
НОВЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТЕЧЕНИЯ В ЗАКАВКАЗЬЕ (По материалам прессы 10-х гг. XX века)

АНУШАВАН ЗАКАРЯН

В начале прошлого столетия во всех областях общественной жизни России происходят исторические сдвиги. В связи с революционным подъемом, как в России, так и в Закавказье все острее становятся демократические требования общественности. Благодаря деятельности народных домов и рабочих клубов формируется новая аудитория. Это явление послужило причиной частых приездов русских футуристов и символистов в Закавказье. Эти события, не считая некоторых скудных сообщений, по сей день не удостоились внимания литературоведов¹. Между тем они представляют определенный интерес и имеют большое историко-литературное значение, в частности, с точки зрения изучения восточноармянской литературной жизни 10–20-х годов XX века.

Футуризм явился реакцией против символизма кроме прочего, ещё и в том смысле, что выводил поэзию из интимной среды, салонов и замкнутого круга читателей в многолюдные залы, клубы, на площади. А. Луначарский, поддерживая точку зрения Я. Шапирштейна-Лерса, писал: "...русский футуризм есть интеллигентско-мелкобуржуазное революционное течение народнического уклона в русской литературе и общественной жизни XX века"². Подобный характер футуризма требовал демократической, широкой народной аудитории, исходя из чего футуристы стремились бывать в разных городах и своими выступлениями пробуждать в народных массах интерес к своему творчеству.

В десятые годы XX в. значительная доля этих путешествий выпадает на красочный Тифлис, метко характеризующийся Р. Ивневим: "Нигде так не ощущаешь жизнь, как здесь. Город — весь в ярких солнечных красках. А потому горечь здесь горше, радость — сильнее, а любовь прекрасней и пламенней. Здесь даже ковры выколачивают с какой-то особенной веселостью. Торговцы овощами и фруктами похожи скорее на случайно оказавшихся без работы клоунов. Они не могут говорить спокойно, они должны хохотать, смеяться, острить, не щадя даже своего собственного товара"³. В многонациональном восточном городе не бы-

---

¹ Тема затронута нами: см.: Ա. Կ. Զ ա ք ա ղ յ ա ն. Ռուս գրողները Անդրկովկասում և հայ գրական կյանքը (1914–1920). Երևան, 1985, էջ 9–55:

² Я. Е. Шапирштейн-Лерс. Общественный смысл русского литературного футуризма (Нео-народничество русской литературы XX века). М., 1922, с. 58, 7.

³ Р. Ивнев. У подножия Мтацминды. Мемуары. Новеллы разных лет. Повесть. М., 1973, с. 158.

ло недостатка в красочных празднествах, публичных представлениях проживающих там национальностей, и привыкшее ко всему этому активно реагирующее население было полюбившейся аудиторией для футуристов.

Насколько нам удалось выяснить, одним из первых русских футуристов, приехавших в Закавказье, был *Игорь Северянин* (1887–1941). В начале апреля 1913 г., спустя два года после обнародования своего известного манифеста "Прелюдия эгофутуризма" (1911 г., Петербург), ставшего предтечей русского футуристического движения, Северянин, вместе с известным поэтом Федором Сологубом приехал в Закавказье. Сологуб прочитал в Баку (3 апреля) и Тифлисе (5 апреля) лекции на тему "Искусство наших дней"⁴ (об этом речь пойдет ниже), Северянин же выступал со своими стихами. Об этой поездке И. Северянин спустя годы написал:

... Баку, Тифлис и, в заключенье,
 Декоративный Кутаис,
 Где непонятное влеченье
 И непредвиденный каприз
 Мне помешали до Батума
 Добраться...
 От впечатлений и от шума,
 От славы вешне - золотой
 Я вдруг — устал...⁵

Однако этот кратковременный приезд Северянина не оставил сколь-нибудь заметного следа в литературной жизни Закавказья, хотя, несомненно, глубоко запечатлелся в памяти самого поэта. В стихотворении "За горной" И. Северянин в свойственной футуристам пренебрежительной манере говорит, что в чуждом его душе Тифлисе ничто его не привлекло, более того, не взволновала хваленая загадочность Кавказа:

...И тем страннее для рассказа,
 Что не смутила ни на миг
 Меня загадочность Кавказа
 (Я Лермонтова не постиг...).

Но тем не менее, невзирая на эти уверения, Кавказ, вероятно, притягивает Северянина, поскольку спустя четыре года он вновь приезжает в Закавказье.

Через год после первого посещения Северяниным Закавказья, в начале марта 1914 г., в Баку приезжает "глава русских футуристов" — ху-

⁴ «Встрѣчи днѣ», 3. IV. 1913, 5. IV. 1913, «Углы», 4. IV. 1913, 7. IV. 1913.

⁵ И. С е в е р я н и н. Колокола собора чувств. Автобиографический роман в 3-х частях. Юрьев — Tartu, 1925, с. 26.

дожник *Н. Кулбин*. 9 марта в театре, основанном армянами – братьями Мапянами, он читает лекцию "Грядущий день и искусство будущего", привлекая большую аудиторию". Затем Н. Кулбин выезжает в Тифлис, где 17 марта в концертном зале Артистического общества намечается его лекция на тему "Футуризм и отношение к нему современного общества и критики" с показом его полотен⁷.

Возвратившись в Петербург, приват-доцент Н. Кулбин открывает выставку восточного искусства, на которой демонстрируются фотокопии армянского живописного искусства. Вначале экспозиция была рассчитана на узкий круг, по сообщению печати, осенью того же года предполагалось организовать более широкую, общественную выставку⁸.

Еще не остыло впечатление от лекции Кулбина, как 23 марта 1914 г., после турне по многим городам, в Тифлис приезжают три футуриста – *Давид Бурлюк* (1882 – 1967), *Владимир Маяковский* (1893 – 1930) и *Василий Каменский* (1884 – 1961). До этого в Закавказье не был только Д. Бурлюк.

Несомненно, о приезде трех футуристов в Тифлис уже знали, и знал об этом прежде всего Кара-Дарвиш (Акоп Генджян, 1872 – 1932). Случайно ли то совпадение, что в день их приезда в зале Армянского благотворительного общества был организован футуристический вечер, где с лекцией о футуризме выступил "первый армянский футурист" Кара-Дарвиш⁹?

Это не было первым выступлением Дарвиша. Подобный доклад он прочитал на очередном вечере Художественного салона 14 февраля 1914 г., тезисы которого были подвергнуты строгой критике корреспондентом "Мшака". В корреспонденции говорилось, что Кара-Дарвиш футуристическую поэзию, "затрагивающую струны нашей души и эмоций", противопоставил Саят-Нове и всей армянской литературе. Автор газетной статьи отмечает, что докладчик вовсе "не затронул ничьи эмоции и струны, потому что никто ничего не понял из его извращенных слов". По поводу тезиса, согласно которому футуристы заинтересованы, чтобы "во время разговора было бы израсходовано мало энергии", критик остроумно замечает: "Для понимания каждого слова футуристов, не говоря о предложении, необходимо не только напряжение энергии, но и дни, недели и объяснения десяти футуристов: говорим десять, потому что футуристы сами не понимают друг друга..."¹⁰

В духе своей книжки "Что такое футуризм?", вышедшей в свет в 1914 г., Кара-Дарвиш рассуждениями, основанными на принципах русского футуризма, но в значительной степени упрощенными, отвергает классическую литературу, а искусство сводит к вульгарному прин-

⁶ «*Чирк*», 2. III. 1914. 12. III. 1914:

⁷ «*Зоричин*», 11. III. 1914. «*Ушк*», 16. III. 1914:

⁸ «*Зоричин*», 16. IV. 1914:

⁹ Там же, 26. III. 1914.

¹⁰ «*Ушк*», 16. II. 1914:

ципу движения. Подобными выступлениями Кара-Дарвиш еще более порочил футуризм.

Далее критик С. Р. отмечает, что выступавшие после Кара-Дарвиша А. Атанасян, Г. Соловян, Б. Ишханян и другие "проявили отрицательное отношение к футуризму, называя его неудавшимся рождением, результатом нервного нарушения и пр."

С таких же позиций на страницах "Мшака" (1914 г., 7 и 15 марта) с развернутыми статьями "Что такое футуризм?" и "Каким является русский футуризм?" выступает известный армянский литературовед А. Сурхатян (возможно, он и был автором вышеназванной статьи), основательно критикуя почти всех футуристов.

После неудачи "Ерванда Гоша" (1911 г.), написанной с пристрастием к натуралистической, бульварной литературе, Кара-Дарвиш примкнул к футуризму и в период пребывания трех русских футуристов в Тифлисе пытался упрочить позиции футуризма и свой личный авторитет.

Из сообщений печати о вечере, состоявшемся 23 марта, узнаем, что Кара-Дарвиш в своем выступлении коснулся футуристического направления, поисков итальянских и русских футуристов, говорил о различиях между футуристами Москвы и Петербурга и заявил, что "этому направлению принадлежит будущее, и что это направление сдвинет с места представления всех национальностей, а также окаменевшие представления армян, принесет с собой свежесть и жизненность"¹¹. Во второй части вечера исполнялись "футуристические песни, танцы, читались стихи".

Весть о прибытии в Тифлис трех футуристов вызывает большое воодушевление, особенно среди молодежи города: их спешат навестить поэты, желая познакомиться с ними и послушать их. В тот же вечер их посещают юный поэт Сергей Спасский¹², грузинские поэты и Кара-Дарвиш. Они читают свои произведения, выслушивают советы русских футуристов.

На следующий день, 24 марта, по всему городу были развешены оранжевые афиши, сообщавшие, что 27 марта в Казенном оперном театре состоится вечер трех футуристов. А между тем, футуристы знакомятся с городом, общаются с населением, постоянно окруженные молодежью, что вызывает недовольство общественности и печати. "Во вторник (т. е. 25 марта. — *Ан. З.*) на Головинском проспекте толпа зевак, состоящая главным образом из подростков, сопровождала трех субъектов в странном одеянии, — читаем в "Тифлисском листке". — Один господин был в желтой кофте, на голове другого красовался какой-то странный убор, у третьего была раскрашена физиономия. "Цирк приехал, — говорили в толпе. — Клоуны ходят по улице для рек-

¹¹ «Հորիզոն», 26. III. 1914:

¹² Воспоминания поэта С. Спасского о пребывании трех футуристов в Тифлисе см.: "О Маяковском. Дни и встречи". Тбилиси, 1963, с. 66–71.

ламы". В толпе, конечно, еще не знали, что странно одетые люди — футуристы"¹³.

Из печати становится известно, что в эти дни их постоянно сопровождал Кара-Дарвиш. "В четверг (27 марта. — *Ан. З.*) московские футуристы Бурлюк, Маяковский и Каменский с окрашенными лицами, в персидской пестрой одежде на фазтоне разъезжали по улицам Тифлиса. С ними был армянский писатель Кара-Дарвиш. Вчера футуристов и Кара-Дарвиша на Головинской улице сфотографировал один из корреспондентов иллюстрированной газеты столицы"¹⁴, — сообщает "Оризон".

Выбор "пестрой" одежды, появление в подобном виде на улицах было выражением протеста против общепринятого вкуса и вместе с тем имело целью привлечь зрителя. Это было необходимо в особенности на окраинах, жители которых не были знакомы с творчеством футуристов, где, как пишет С. Гинц, "...о нем знали лишь по информации желтой прессы"¹⁵.

По сведениям печати можно представить атмосферу вечера, состоявшегося 27 марта. По сообщению "Тифлисского листка", в момент, когда поднялся занавес, трое сидели за длинным столом. Посередине был Маяковский в желтой кофте, с одной стороны сидел Каменский в черном плаще с блестящими звездами, с другой — Бурлюк в грязно-розовом пиджаке. Собранная в зале общественность встретила футуристов с воодушевлением. "Пламенная публика жарилась в театре, как шашлык на вертеле, — вспоминает В. Каменский. — Отдельные фразы, лозунги... стихи, ответы на реплики принимались взрывами горячности"¹⁶. Особенно тепло был встречен Маяковский, который в начале приветствует зрителей на грузинском языке, затем декламирует стихи "Земля! Дай поцелую твою лысеющую голову", "Послушайте! Ведь, если звезды зажигают" и отрывки из поэмы "Владимир Маяковский". Публика устраивает ему овацию, сцену забрасывают цветами. "Всем нам были поднесены разные подарки: фрукты, букеты роз, коробка конфет... После окончания толпа молодежи ожидала нас у выхода на улицу, и тут же состоялось продолжение вечера — мы читали стихи и отвечали на многочисленные вопросы.

Словом, тифлисский успех превзошел все наши ожидания"¹⁷, — вспоминает В. Каменский.

В дни пребывания в Тифлисе футуристы посещают кафе, серные бани, везде и всюду читают стихи, будоража жизнь города. Вместе с молодежью города они поднимаются на гору Давида, с вершины которой, воодушевленный тифлисским приемом, В. Маяковский воскли-

¹³ "Тифлисский листок", 27. III. 1914.

¹⁴ «Հորիզոն», 30. III. 1914.

¹⁵ С. Г и н ц Василий Каменский. Пермь, 1974, с. 105.

¹⁶ В. К а м е н с к и й. Путь энтузиаста. Автобиографическая книга. Пермь, 1968, с. 157.

¹⁷ В. К а м е н с к и й. Жизнь с Маяковским. М., 1940, с. 127.

цает: "— Вот это — аудитория! С эстрады этой горы можно разговаривать с миром. Так, мол, и так, — решили тебя, старик, переделать"¹⁸.

Приехав в Тифлис, Маяковский не мог не побывать в городе своего детства Кутаиси. И вот, 28 марта вместе с Каменским на один день он едет в Кутаиси. "Всюду на улицах Володя встречал молодых людей — друзей детства, обнимался, целовался с ними, говорил по-грузински и острел так, что вокруг грохотал сочный смех"¹⁹, — вспоминает В. Каменский.

Затем, 29 марта, трое футуристов едут в Баку. По воспоминаниям Каменского, приезжают они туда в знойный полдень и с восточным музыкальным ансамблем, на большом плоту совершают прогулку по Каспию. В тот же вечер намечалось их выступление в театре Маилянов с лекцией на тему "Аэропланы и поэзия футуристов", "Кубизм и футуризм", "Как достигнуть футуризма"²⁰. В отличие от Тифлиса, деловитая и сдержанная общественность промышленного города встречает футуристов свистом, возгласами "Долой клоунов!", а в конце вечера преподносит "охапки роз и пуд паюсной икры".

Этим выступлением в Баку футуристы завершают свое турне по Закавказью и возвращаются в Москву, оставив глубокий след в литературной жизни народов края.

После их приезда слово "футурист" начинают склонять повсеместно, члены грузинского сообщества "Голубые роги" широко рекламируются как футуристы. Кара-Дарвиш начинает выступать все чаще и чаще, и порой эти выступления доходят до драк. В 1917 г. в Тифлисе основывается постоянно действующая футуристическая группировка, город становится бурлящим очагом футуризма...

***

Значительным литературным событием явился второй приезд *Игоря Северянина* в Закавказье в конце января 1917 г.

Примерно за два с половиной месяца до него на непродолжительное время в Тифлис приехал поэт совершенно иного направления *Николай Клюев* (1887 — 1937). Как "сказитель былин" 18 ноября 1916 г. он выступает в Казенном театре, на концерте Н. В. Плевидкой, наводя "на публику зеленую тоску"²¹.

Подобные смешанные концерты в те годы были очень приняты, и вот 26 января в зале Музыкального училища состоялся первый так называемый "поэзовечер" Северянина с участием поэта, критика, в будущем известного переводчика Г. Шенгели и "поззосолистки" Балкис-Савской. По газетным сообщениям, в начале вечера Шенгели читает

¹⁸ Там же, с. 129.

¹⁹ В. Каменский. С Маяковским в Кутаиси. — В кн.: "О Маяковском. Дни и встречи", с. 73.

²⁰ «Фурд», 27. III. 1914.

²¹ "Кавказское слово", 20. XI. 1916.

интересный доклад о символизме, символистах, урбанизме и о "все-ленском" поэте Северяnine, исполняет несколько романсов. Затем Северянин напевает свои стихи — "Это было у моря", "Тринадцатая", "Ваше сиятельство", декламирует свои "поэзы". По сообщению "Кавказского слова", "манера читать стихи у поэта своеобразная, несколько надуманная, несколько вычурная, но оригинальная и во всяком случае приемлемая. В чтении, вернее, пении своих стихов Игорь Северянин достигает совершенства: ясный, полный звук, великолепное развитое дыхание. Некоторая небрежность в чтении искупается блестками рифм, чарующей стройностью стиха, чеканностью образа. Восторженная молодежь восторженно приветствовала поэта, прочитавшего в конце стихи к молодежи"²².

В этот период И. Северянин был одним из самых признанных поэтов, и его поэзовечера в Тифлисе вызывали большой интерес молодежи. Но, тем не менее, автор корреспонденции высказывает и критическое отношение к Северянину, отмечая, что "хотелось бы только, чтобы поэзовечера Игоря Северянина (следующие два) прошли с преобладающим участием самого поэта, ограничившегося на этот раз чтением нескольких стихотворений, а ведь публика заполнила зрительный зал ради того, кому она поднесла венок с красивой надписью: "Певцу весны и жизни".

29 января состоялся второй концерт Северянина, вызвавший горячее одобрение молодежи города. "Поэт был на этот раз щедрее, не так замкнут и холоден, и музыка слов его, таких неожиданных, таких гибких и стальных, вызвала бурю восторга"²³, — читаем в другой корреспонденции.

Видимо, во время своих "поэзовечеров" Северянин выработал соответствующую концертную "тактику" — начинал вечер весьма сдержанно, затем, как бы "взрываясь", потрясал поклонников эстрадной поэзии, и эта "тактика" в Тифлисе увенчалась успехом.

На этот раз Г. Шенгели вышел на сцену уже после Северянина, прочел стихи из своего сборника "Гонг", затем перешел к докладу "Самурай духа", стержнем которого был Северянин и его поэзия. Считая Гейне и Пушкина "самураями духа", он находил, что Пушкин сочетает "в себе и Шекспира, и Байрона", и предвосхищает идеи Верхарна и Верлена. Шенгели объясняет, что самураи олицетворяют символ движения жизни, и, будучи поклонником Игоря Северянина, считает его третьим самураем, творчество которого привносит "новое пушкинство".

Такие крайности не могли остаться незамеченными со стороны искушенной в вопросах поэзии интеллигенции, и уже после второго концерта Северянин подвергается резкой критике. Последний поэзовечер состоялся 30 января с участием Северянина, Шенгели и Балкис-Сав-

²² Там же, 28. I. 1917.

²³ Там же, 31. I. 1917.

ской. На вечере с большим вниманием был выслушан доклад Шенгели, посвященный Верхарну²⁴.

1 февраля в "Кавказском слове" за подписью А. П-ий (вероятно, Петровский) была опубликована статья "Игорь Северянин", эпиграфом к которой служили слова Шопенгауэра: "Никто не может прыгнуть выше себя". В этом духе и изложена статья. По мнению рецензента, правдивый портрет Северянина, которого Шенгели объявляет "поэтом всеобщества", дан Брюсовым в статье "Критика о творчестве Северянина", опубликованной в небольшом сборнике (1916 г., Москва). Отмечая как положительные стороны творчества Северянина, так и недостатки, Брюсов считает их "исправимыми" недостатками. Но, по мнению А. П., поздно говорить об исправлении недостатков. Северянин, уже вкусивший "отраву злую" шумной славы и увлечения поэзовечерами со стороны безвкусной массы, лишился способности совершенствования повседневной работой. О дошедшем до зенита славы Северянине строгий критик говорит как о литературном баловне: "Да, кажется, Северянин ни на что и не жалуется. Ведь он "победой упоен", он "озкрапленен", он "покорил литературу", все ему поют "Марсельезу"..."

Из статьи выясняется, что Шенгели в своем докладе о Верхарне всячески стремился показать превосходство Северянина над Брюсовым. Можно предположить, что с намерением бросить тень на Брюсова или умалить значение его творчества и был прочитан доклад о Верхарне. Брюсов глубоко почитал Верхарна и в те же дни его доклад в Баку, посвященный Верхарну, нашел широкий отклик в печати²⁵, что не могло не вызвать раздражения Северянина и его поклонника Шенгели. Однако необходимо отметить, что, начиная с этих дней, творчество Верхарна становится предметом обожания Шенгели. И, как известно, он стал впоследствии одним из лучших переводчиков бельгийского поэта.

Можно предположить, что во время своего второго доклада Шенгели читал стихотворение И. Северянина "Поэт для Брюсова", которое начинается и кончается следующими строками:

Вы, чьи стихи — как бронзолы, —
 Вы поступаете бесславно;
 Валерий Яковлевич! Вы —
 Завистник, выраженный явно...

Вы — терпеливый эрудит,
 И Ваше свойство — всеанализ,
 Я — самоучка-интуит, —
 Мне непонятна Ваша зависть!

²⁴ Там же, 2. II. 1917.

²⁵ Об этом подробно см.: *Ц и. Զ ш ր ш ր յ և Կ*. Указ. раб., с. 88 — 89.

Во всяком случае видно, что критик Шенгели был знаком с этим стихотворением, и споря с оценками, данными в стихотворении, осуждал самоуверенность Северянина, его пренебрежение к знаниям, общей культуре, считая, что именно по этой причине одаренный поэт осужден на ранний застой.

После третьего "поззовечера" Северянин с Шенгели в конце января — начале февраля едут в Баку. Из мемуаров Шенгели²⁶ выясняется, что их поездка в Баку ознаменовалась интересным событием. Здесь по взаимному желанию состоялось "примирение" между Брюсовым (выступавшим в те дни с лекциями) и Северяниным, которые до этого довольно долго были в ссоре, совершенно не общались друг с другом. Можно предположить, что этому способствовала и отрезвляющая критика "Кавказского слова".

* * *

Итак, некоторое затишье (с 1914—1917 гг.), наступившее после отъезда трех футуристов, вновь нарушается выступлениями Северянина.

Сплотившаяся в начале ноября 1917 г. группа футуристов, облюбовав на Головинском проспекте удобное место, футуристически оформляет свое так называемое "Убежище для поэтов"²⁷. Начинают свою деятельность обосновавшиеся в Тифлисе с февраля 1916 г. *Алексей Крученых*, *Илья Зданевич* и др. В ряду их начинаний заслуживает внимания "Вечер заумной поэзии", организованный 19 января 1918 г. в подвале ресторана "Имеди", т. е. в "Убежище для поэтов". Докладчиком был Илья Зданевич, который представил "заумную поэзию" по этапам развития в течение последних десятилетий²⁸.

По сведениям печати, докладчик противопоставил "заумь" скованности слова и его смысла, находя, что возможности, таящиеся в "зауми", позволяют отразить и выразить абсолютно все. Однако по впечатлению корреспондентов, противопоставлением разумного и заумного смысла слов докладчик не смог увлечь аудиторию и только "вызывал сочувствие и смех". Слушатели кое-что поняли только из чтения отрывков из произведений В. Хлебникова и других поэтов, которые пытаются разгадать суть слова творческим путем.

По утверждению автора статьи газеты "Возрождение", несерьезная атмосфера вечера рассеивается выступлениями оппонентов докладчика. Первым берет слово известный грузинский поэт П. Яшвили, который, придавая слову "символизм" настоящее "заумное" содержание, видит в нем все, начиная с истоков символизма до футуризма. Заметим, что в эти годы такой же точки зрения придерживался знаменитый

²⁶ Г. Ш е н г е л и. Валерий Брюсов. — "Литературная Армения", 1980, № 9, с. 96—98.

²⁷ "Возрождение", 5. XI. 1917.

²⁸ "Республика", 21. I. 1918; 23. I. 1918, "Возрождение", 27. I. 1918.

армянский поэт В. Терьян (1885-1920). Считая, что преимуществом армянского языка является возможность образования глагола из существительного, Терьян пишет, что русские футуристы пытаются заняться этим и внести это в русский язык, преодолевая определенные препятствия. Хотя они и "частично преуспели в этом, но приоритет принадлежит не им, а символистам"²⁹.

После П. Яшвили берет слово Кара-Дарвиш, с несдержанной "ненавистью" охаивающий все то, чем футуризм может соприкоснуться с обычной формой изложения.

Корреспондент особо упоминает выступление "мага красноречия" Г. Робакидзе, который в своем слове охарактеризовал поэтические взгляды Андрея Белого и, видимо, защитил точку зрения Яшвили. Спор, продлившийся до позднего вечера, завершается "баталиями" между Яшвили и Зданевичем: первый берет под сомнение знания докладчика, Зданевич же утверждает, что Яшвили не настолько созрел, чтобы понять художественные проблемы, получившие мировое звучание.

Кстати, такие явления, сопутствующие вечерам футуристов, почти в той же форме повторяются в начале 20-х годов, в период обнародования знаменитой "Декларации Трех" армянских поэтов.

Однако, невзирая на эти разногласия, со второй половины 1918 г. в Тифлисе происходит сближение разных групп. Так, создается Художественное бюро или товарищество "Кольчуга", один из вечеров которого состоялся 18 июня 1918 г. На вечере с докладом "О женских стихах" выступает А. Крученых, говоря в основном о творчестве Мирры Лохвицкой, Анны Ахматовой, Ольги Розановой, Татьяны Вечорки и др. 20 июля "Кольчуга" организует вечер стихов В. Маяковского (докладчики Ю. Деген и Б. Корнеев).

После летних перерывов, 23 октября 1918 г. "Кольчуга" организует "Вечер поэзии и музыки" в зале консерватории, на который были приглашены известные в городе музыканты и артисты. В газетном объявлении говорилось, что "из поэтов выступают группа грузинских поэтов "Голубые роги", группа футуристов и члены цеха поэтов при художественном о-ве "Кольчуга", под председательством Ю. Дегена"³⁰.

В той же рекламной форме в середине 1919 г. сообщается о создании издательства "41⁰⁰" и о газете под названием "К-41⁰⁰", а также об издании книг А. Крученых ("Лакированное трико"), И. Терентьева ("Факт") и др.

С созданием издательства тенденции объединения еще более усиливаются. И вот, в начале сентября 1919 г. газета "Слово" сообщает о проведении конкурса оформления книги "Фантастический кабачок" (подготовленной С. Г. Мельниковой). В другом сообщении говорится, что в оформлении книги участвовали известные армянские и грузин-

²⁹ Музей литературы и искусства им. Е. Чаренца (далее – МЛИ), ф. В. Терьяна, д. 131.

³⁰ "Кавказское слово", 22. X. 1918.

ские художники А. Бажбеук-Меликян, Л. Гудиашвили и др. Однако обложку сборника оформил К. Зданевич.

В конце сентября книга выходит в свет, и газета "Слово" воспроизводит ее содержание — это стихи Н. Васильевой, Т. Вечорки, Кара-Дарвиша, В. Катаняна, А. Крученых, Г. Робакидзе, Т. Табидзе, И. Терентьева, Н. Чернявского, Г. Шайкевича, П. Яшвили. В сборнике нашли место поэма А. Чачикова "Наступление на Мосул", трагедия И. Зданевича "Осел напрокат" и статья Д. Гордеева³¹. В день выхода в свет "Фантастического кабачка", 30 сентября, в честь составителя С. Мельниковой в кафе "Интернационал" организуется "Чашка чая", на которую приглашаются "сотрудники сборника и гости".

В сентябрьские дни 1919 г. футуристы, выступающие под девизом "41⁰", публикуют рабочий план 1919—1920 годов, носящий такие крикливые названия, как "Футур — всеучбища — 3-ий учебный год", "Учебные записки всеучбища. Издание неперидическое. В печати выпуск № 1-й", "Газета 41⁰", "41⁰ книгоиздательство", "Правление 41⁰: И. Терентьев, А. Крученых, И. Зданевич", "Театр 41⁰: готовятся к постановке А. Крученых", ... "Выставки 41⁰: готовятся Н. Пиросманишвили, К. Зданевич"³².

Как видим, в Тифлисе футуристы действовали широким фронтом, и в лекции И. Терентьева, планируемой на 28 января 1920 г., о "41⁰" должно было говориться как о новой школе искусства, делающей художественные, религиозные, торговые, общественные открытия. Газета "Слово" сообщает, что 28 января в обмене мнениями примут участие Н. Евреиннов, И. Зданевич, С. Судейкин, Д. Гордеев, известный армянский литератор Г. Харазов и представители общественности.

Амбициозной декларации "41⁰" предшествовало объединение тифлисских литературных групп в конце 1919 г. Бакинская газета "Наше время", придавая особое значение этому факту, писала, что тем самым значительно улучшилась работа, читаются лекции, посвященные отдельным вопросам, организуются обсуждения произведений писателей и пр.³³ Сообщается, что на первом вечере (23 декабря 1919 г.) с докладом на тему "Рифма и созвучие" выступил доктор Г. Харазов, но им были затронуты и более широкие вопросы — докладчик касался вообще звукового построения стихов. "Теория доктора Харазова сводится к тому, что поэт должен быть настоящим мастером языка и распоряжаться им, играя, пользуясь всеми звуковыми данными", — пишет корреспондент, добавляя, что теория Харазова может быть выражена формулой: "поэт должен быть балагуром" и что "в поэзии важна не логическая убедительность, а звуковая, или, вернее, главным образом, звуковая. Звуковой убедительности ищет уже народ в своих поговорках, пословицах, отдельных выражениях, где созвучия играют главную роль..."

³¹ "Слово", 30. IX. 1919.

³² Там же, 14. IX. 1919.

³³ "Наше время", 2. I. 1920.

В фольклоре, в народном слове логическая убедительность первична, неразрывна с созвучием.

Со всей очевидностью Харазов народное слово приравнивает к футуристическим трактовкам. Выясняется также, что "о самой рифме, т. е. о рифме конечной, а не о рифме внутренней, докладчик не говорил, и это важная сторона стихов... осталась без разбора".

В докладе, прочитанном на очередном сборе объединенных групп, была представлена теория Андрея Белого о четырехстопном русском ямбе. 30 декабря 1919 г. А. Гербсман делает доклад о Блоке, 13 января 1920 г. С. Рафалович — о художественном слове, 25 июня тот же А. Гербсман прочел доклад на тему "Смерть символизма и новая поэзия".

В противовес символизму, который они считали обреченным на смерть, превозносились футуристические принципы и воззрения. Но их деятельности сопутствовали характерные для футуристического литературного быта явления, отзвук одного из которых проник в печать. Рассказывается, что произошел анекдотический случай с И. Зданевичем, И. Терентьевым и молодым поэтом (в будущем литературоведем) В. Катаняном. Последний на одном из сборов прочел два стихотворения, удостоенных похвалы футуристов. Затем В. Катанян сообщил, что одно из стихотворений принадлежало И. Зданевичу, которое он прочел справа налево³⁴.

Однако общество "41⁰⁰" вскоре распалось. Главенствующую роль начинает играть руководимая Г. Харазовым "Академия стиха". Сообщается, что 18 ноября на вечере на тему "Поэт-шут" с чтением стихов и докладами выступают Харазов и Гербсман, 25 ноября рассорившийся с футуристами Харазов выступает с докладом "Долой футуризм!", 2 декабря он же выступает с докладом "Зрительная убедительность в произведениях Пушкина, К. Арсеньевой, И. Терентьева, Харазова и др." 30 декабря на двенадцатом вечере "Академии стиха" актриса театра имени Комиссаржевской Е. Щербачева, по сообщению газеты "Слово", должна была прочитать стихи А. Блока, М. Кузмина³⁵ и др.

С конца 1920 г. футуризм в Тифлисе переживает спад, причиной чего и явился отъезд многих футуристов. Вскоре, в феврале 1921 г., по инициативе Г. Робакидзе, П. Яшвили, Т. Табидзе организовывается "Орден поэтов Грузии", к которому примыкает "Академия стиха" Г. Харазова. Сообщается, что в ордене должны участвовать глава "41⁰⁰" И. Терентьев и поэт А. Гербсман³⁶.

***

"Певец былинных богатырей, и сам богатырь, задорный по нраву, но добрый и чуткий к людям, — таким я вижу своего ровесника по эпо-

³⁴ Там же, 3. I. 1920.

³⁵ См.: "Слово", 18. XI. 1920; 2. XII. 1920; 30. XII. 1920.

³⁶ Там же, 12. II. 1921.

хе и соседа по творчеству..."³⁷, — писал о Василии Каменском С. Городецкий.

Спустя примерно два года после известного турне с Д. Бурлюком и В. Маяковским в 1914 г., В. Каменский в 1916 г., желая избежать призыва в армию, вместе с В. Гольцшмидтом отправляется в поездку по Крыму и городам Северного Кавказа. В начале сентября того же года они приезжают в Тифлис. Вскоре в печати появляются сообщения о том, что в зале Артистического общества 7 сентября состоится вечер-лекция московских футуристов с заманчивым объявлением: "Вот как надо жить в Тифлисе". В объявлении было сказано, что темой известного поэта-футуриста В. Каменского будет "Творческие радости жизни", он прочтет также свои стихи (в частности, новое стихотворение "Тифлис"). После этого известный "футурист жизни" В. Гольцшмидт прочтет лекцию на тему "Солнечные радости тела" и в конце покажет опыт физической силы, разбив своей головой несколько досок³⁸. Это тот Гольцшмидт, о котором И. Эренбург вспоминает: "Оживляя публику также Гольцшмидт; на афишах он именовался "футуристом жизни", стихов не писал, а золотил порошком два локона на голове, отличался необычайной силой, ломал доски и вышибал из кафе (собиравшихся в "Кафе поэтов". — *Ан. З.*) скандалистов. Однажды "футурист жизни" решил поставить себе памятник на Театральной площади; статуя была гипсовая, не очень большая и отнюдь не футуристическая — стоял голый Гольцшмидт. Прохожие возмущались, но не решались посягнуть на загадочный монумент. Потом статую все же разбили"³⁹.

Объявление-каламбур дает свой результат. Зал вечера, состоявшегося не 7, а 8 сентября, был переполнен.

В лекциях футуристов говорилось об известных, но забытых истинах, "о ненужности многого хлама нашей жизни, о необходимости жить красиво, весело, "по-детски", о реформе костюма и других условий жизни...", но "публике эта проповедь, вернее, отповедь, видимо, нравилась... но не убеждала"⁴⁰.

В условиях сложных социальных, общественно-политических противоречий кануна революции, в горниле военных событий два футуриста предлагали лишь бытовые преобразования и, естественно, их лекция в разных слоях тифлисской общественности вызвала совершенно различные отклики.

С острой критикой футуристов в газете "Мшак" выступает Г. Л. (Гагегин Левонян). В его статье "Почему стены не протестуют?" футуристы названы "искателями счастья, которые приехали и превратили храм искусства в шутовскую арену цирка... И знаете, что более возмутительно, более досадно? То, что эти господа не являются футуриста-

³⁷ С. Г и н ц. Указ. раб., с. 3.

³⁸ "Кавказское слово", 4. IX. 1916.

³⁹ И. Э р е н б у р г. Люди, годы, жизнь. Кн. 1, 2, М., 1961, с. 395.

⁴⁰ "Кавказское слово", 10. IX. 1916.

ми... и не подумайте, что эти люди глупы, смешны, наоборот, они общественность принимают за глупцов, "издеваются" и смеются над нами"⁴¹.

В этой острой критике чувствуется, однако, что автор статьи не отвергает футуризм как художественное течение, признает итальянский футуризм, теорию футуризма, но не приемлет все то, что называет цирковым "шутовством" и "шарлатанством", имея в виду, видимо, выступления Гольцшмида.

"Мшак" был авторитетным органом, Г. Левонян — признанным теоретиком искусства. Подтверждением мнения Левоняна стал факт неудачи двух футуристов в Баку (13 и 14 сентября) — люди покидали зал⁴².

Спустя несколько дней в той же газете публикуется "Письмо в редакцию" Кара-Дарвиша. Желая вывести "провинциального читателя" из заблуждения, Кара-Дарвиш берет на себя защиту футуризма. Левонян обвиняется в том, что из строк, написанных им, у читателя может сложиться впечатление, будто два футуриста — "занятые грабежом разбойники с большой дороги или возбуждающие иллюзию фокусники"⁴³. И поэтому в своем письме Кара-Дарвиш обстоятельно говорит о русском футуризме, говорит, конечно, с индивидуалистической позиции свободы личности, обходя молчанием вопросы, связанные с общественными корнями и направленностью футуризма.

Интересное впечатление о вечере создается от очерка Е. Дживанширяна, опубликованного в "Гахапаре". По его свидетельству, когда перед аудиторией, "подымается занавес... то перед зрителями открывается странная, видимо, футуристическая картина, — разукрашенная (!?) пестрыми, цветастыми лоскутами сцена.

Целых два часа они резонерствовали и говорили о "преходящих условностях жизни", о "преградах, сковывающих свободную и независимую волю" личности, смело призывая нас, тифлисцев, предать забвению переходящую условность вещей, жить с природой, предаться животным инстинктам, быть всегда бодрым и веселым, всегда естественным и радостным.

Нам кажется, что именитые футуристы, которые так усердно проповедовали отречение от ложных условностей..., всем своим существом представляли какой-то абсурд ... Странностями, нелепостью вряд ли возможно "взрослым детям" внушить невинность голубя, подавить змеиную хитрость"⁴⁴. Говорится также, что в зале были и поклонники футуристов, которые преподнесли букет цветов В. Каменскому.

В этих критических статьях затрагиваются определенные общественные пороки, не задевая при этом основ общественного строя.

⁴¹ «Մշակ», 11. IX. 1916:

⁴² «Արև», 16. IX. 1916:

⁴³ «Մշակ», 24. IX. 1916:

⁴⁴ «Գաղափար», 14. IX. 1916:

21 сентября в зале Музыкального училища состоялся второй вечер футуристов, на котором Каменский выступал с докладом "Вот что такое футуризм: искусство сегодня – поэзия, музыка, живопись, театр", а Гольцшмидт – "Футуристы жизни".

Из откликов на этот вечер заслуживает внимания отзыв известного армянского педагога, психолога Г. Эдиляна. Его статья в определенном смысле дает объективную оценку футуризму. По мнению Эдиляна, прошли те времена, когда футуристов считали "душевнобольными, шарлатанами..." Слушая лекцию Каменского, он пришел к выводу, что хотя они еще полностью не освободились от "ярмарочной рекламы" и легкомыслия, тем не менее сделали более содержательной свою теорию и "даже пытаются созданное ими движение обосновать психологическими данными"⁴⁵. "Сердцевиной мысли докладчика", по его мнению, является следующее: "...жизнь изменилась, движение, шум, беспокойство, риск, скорость, порывистость стали примечательными чертами нашей новой жизни. Аэроплан, железная дорога, великаны-корабли, цеппелины, громадные заводы стали символами нашей жизни. Эти изменения жизни, среды оставили заметный след в нашей психологии, изменили наши ощущения, наши чувства. Мы сейчас со всей силой чувствуем красоту времени в его ускоренном ритме.

Искусство должно реагировать на эти новые требования жизни, оно должно воспевать движение, быстроту, уходящее время, силу и жизнелюбие. Должно возникнуть новое искусство – жизнерадостное, бодрящее и оптимистическое. Все это должно найти свое выражение в движении, шуме, действии, но только не в покое".

По существу, Эдилян согласен с Каменским, в то же время нетрудно предугадать, что эти мысли будут соответствовать одному из основных пунктов опубликованной спустя годы "Декларации Трех", исходным позициям выступлений Чаренца этого периода.

...После упрочения своего авторитета в Тифлисе, русские футуристы 13 октября едут в Кутаиси. В этом признанном культурном центре в переполненном зале Городского театра состоялся вечер с их участием. После вступительного слова П. Яшвили, произнесенного на грузинском языке, Каменский выступил с лекцией "Что такое футуризм?", а Гольцшмидт – "Футуристы жизни"⁴⁶. Здесь уже Гольцшмидт не исполняет названные шутовством номера, и только Каменский читает стихи.

Возвратившись в Тифлис, Каменский продолжает читать лекции. Так, 21 января 1917 г. в зале Музыкального училища было организовано два доклада: "Женщина сегодня и женщина завтра" и "Поэзия цирка". По сообщению "Кавказского слова" от 24 января, после первого доклада были показаны живописные работы футуристов. Московские поэтессы Н. Лохвицкая и С. Трущева прочли свои стихотворения.

⁴⁵ «Հորիզոն», 24. IX. 1916:

⁴⁶ "Кавказское слово", 20. X. 1916.

Второй же доклад касается одной из интересных страниц биографии поэта. Дело в том, что с октября 1916 г. Каменский выступил на арене цирка братьев Есиковских. Он выступал на белой лошади, в одежде Степана Разина, декламируя стихи из своей поэмы "Степьяк Разин", обращая при этом непосредственно к зрителям. Стоит привести несколько высказываний из его выступлений. В своем первом выступлении 19 октября 1916 г. он подчеркивает необходимость создания, по примеру древнеримского Колизея или греческой классической сцены, нового цирка: "На цирковой арене должны ... подвизаться наравне с цирковыми артистами и представители науки, поэзии и искусства... и я ... своим настоящим и может быть первым в мире выступлением как поэт-футурист открываю новую эру для нашего молодого искусства"⁴⁷. Во время последующих выступлений он читал стихи из книги "Танго с коровами", иногда демонстрировал собственные пейзажные зарисовки.

Следует отметить один примечательный факт. Во многих его выступлениях принимал участие известный борец Иван Закинц. В своей интересной книге "Василий Каменский" С. Гинц отмечает, что поэт посвятил Закинцу стихотворение, в котором он именуется Степаном Разиным, и что это стихотворение декламировалось на арене цирка.

Выступления Каменского в цирке удостаивались теплого приема, и поэтому неоднократно повторялись, пробуждая интерес расположенной к веселью общественности Тифлиса. По-видимому, в том же духе была построена лекция "Поэзия цирка". Нетрудно заметить, что именно в своих цирковых выступлениях и теории публичного цирка Каменский следовал В. Мейерхольду, сея семя трюкаческого искусства двадцатых годов, откликом на который в армянской действительности стала поэма Чаренца "Кавказ тамаша".

... Каменский все более и более завоевывал симпатии общественности Тифлиса, постепенно располагая к себе и армянскую интеллигенцию. Не случайной была публичная защита футуризма Эднаном, после чего связь русского поэта с армянскими литературно-творческими кругами стала более тесной.

С первого же месяца пребывания в Тифлисе Каменский и Гольцшмидт становятся постоянными участниками литературно-художественного салона Т. Назаряна. Так например, 30 сентября состоялось торжественное открытие одиннадцатого сезона салона, начавшегося лекциями двух футуристов. Согласно объявлению, Каменский говорил о футуризме и восточном искусстве, Гольцшмидт — о футуристах жизни, а темой доклада Кара-Дарвина был "Восток как источник нового искусства и творчества"⁴⁸.

⁴⁷ Там же, 22. X. 1916.

⁴⁸ Там же, 30. IX. 1916; «Մշակ», 29. IX. 1916, «Հորիզոն», 30. IX. 1916:

В связи с вышеназванной лекцией несомненный литературный интерес представляет и следующий факт. В письме от 4 февраля 1917 г., адресованном известному поэту, председателю "Кавказского общества армянских писателей" Ованесу Туманяну (1869-1923), Кара-Дарвиш пишет: "...Я хочу на одной из Ваших пятниц выступить с лекцией на следующую тему — "Восток как источник нового искусства и творчества" .... Считаю важным отметить и то, что я могу на этот же вечер пригласить и известного русского поэта-футуриста Василия Каменского, который выступит по данной теме и продекламирует свои произведения. Василий Каменский может выступить и по теме "Что такое футуризм?"⁴⁹

Характерно, что к вечеру, организованному 30 сентября, совершенно по-новому отнесся "Мшак", опубликовав друг за другом (4 и 7 октября) два сообщения, из которых узнаем, что зал был переполнен и многие слушали выступления поэтов стоя. Вечер открыл Т. Назарян, председательствовал С. Тараян. Затем слово было предоставлено "зачинателю футуризма в армянской действительности Кара-Дарвишу". Последний "провозглашает восход нового света, завтрашней ясной и светлой жизни". "Собственные силы, ...ценности, проистекающие из глубины народа, Абовяны и Прошяны, более понятные самому народу, — должны более цениться", — утверждал он, откровенно приспособляясь к убеждениям Каменского, особо выделяющегося среди русских футуристов пристрастием к фольклору. Одновременно давала первые ростки бурно развившаяся в 20-е годы тенденция отрицания наследия прошлого, носителем ее в армянской действительности оставался Кара-Дарвиш, противопоставлявший Абовяна и Прошяна ценностям классической литературы, и удивительно, что "Мшак" обошел молчанием этот факт.

После Кара-Дарвиша выступает Каменский, говоря о Востоке как о "стране солнца", которая излучает свет "Западу", "оплодотворяет жизнь, вскармливает искусство, является источником силы ясного, здорового, бодрящего творчества". Его слово производит на слушателей хорошее впечатление, поскольку таковы уверения корреспондента. "Непосредственный, здоровый, жизнерадостный, с огненным дыханием, полное воплощение златоустого пророка"⁵⁰ — так отзывается о Каменском один из корреспондентов. По характеристике другого, более осмотрительного и сдержанного корреспондента — "Каменский одаренный человек, одаренный как лектор. Он говорит очень свободно и с темпераментом. В его лекции, во всяком случае, не было той вульгарной крайности, что обычно приписывается футуристам..."⁵¹

В литературно-художественном салоне обычно собирались наиболее взыскательные представители армянской интеллигенции, и подобный

⁴⁹ МЛИ, ф. "Кавказское общество армянских писателей", № 144/3.

⁵⁰ «Աշխ», 7. X. 1916:

⁵¹ Там же, 4. X. 1916

прием и отношение, несомненно, были очень ценны для Каменского. Такое же впечатление произвел Гольцшмидт, который своим "исполнинским сложением", "всепокоряющей силой" напомнил корреспонденту армянского народного богатыря Торг Алгеха.

До полуночи длился интересный разговор вокруг лекций, участниками обмена мнений были армянские и грузинские литераторы М. Саргсян, Г. Соловян, И. Накашидзе, Аб. Паязат и др.

В противовес "Мишаку" отношение "Гахапара" было отрицательным. "С начала до конца смех, веселое хихикание..., — пишет газета. — Два русских футуриста в компании с двумя неподражаемыми и типичными армянскими футуристами забавляли общественность своими "хо-хо, ха-ха, эй-эями... раскрепощенные от всяких уз свободомыслия, которые будучи поклонниками культа веселья, пренебрегают всеми социальными, историко-литературными данными. Народ с большим терпением и весельем перенес длившееся до полуночи это комедианство"⁵².

Что касается этих двух сообщений, то нужно отметить, что обе стороны были правы по-своему. В выступлении футуристов несомненно имели место вульгарные крайности. Сегодня, касаясь крайностей футуризма, уместно заметить, что их питательной средой было буржуазное общество. Эти крайности явились своеобразной реакцией на подавление устремлений человеческой индивидуальности в буржуазном обществе, реакцией на господствующие нравы и моральные нормы.

7 октября 1916 г. Каменский вновь участвует на очередной "пятнице" салона Назаряна. Под председательством Сенекерима Арцруни была организована беседа о русской и армянской литературе, поэзии. После краткого обзора армянской литературы председательствующий коснулся произведения "Капон на вознесение Христово" Ст. Сюнеци в переводе Николая Реулло, опубликованного в московском журнале "Армянский вестник" в 1916 г. (№ 35). В обсуждении перевода принял участие и Каменский⁵³, но, к сожалению, о чем он говорил — неизвестно.

В конце этого вечера в салон пришел известный писатель Александр Куприн, который выступил в эти дни с докладом перед общественностью Тифлиса⁵⁴. Куприн был принят очень тепло, он попросил слова: "Город ваш прекрасный, культурный, много солнца; живут в нем русские, армяне, грузины — почему они ссорятся, я не понимаю"⁵⁵.

Каменский принял участие и на "пятнице" литературно-художественного салона, состоявшейся 18 ноября. По данным печати, в этот день в салоне собралось много народу, были иностранные артисты и артистки. В первой части вечера обсуждалась драма "Император" известного армянского писателя Левона Шанга (1869 — 1951), вторая часть

⁵² «Գաղափար», 5. X. 1916:

⁵³ "Кавказское слово", 9. X. 1916; «Մշակ», 11. X. 1916:

⁵⁴ См.: Ա Ն. Չ ա թ ա Ր Յ Ն. Указ. раб., с. 187 — 194.

⁵⁵ "Кавказское слово", 9. X. 1916. Ср.: «Մշակ», 11. X. 1916:

была предоставлена Каменскому, который с пояснениями читал отрывки из своей книги "Девушка босиком", только что вышедшей в Тифлисе.

Из всего этого явствует, что русский поэт был знаком с очень многими армянскими писателями и деятелями культуры, вполне вероятно и его знакомство с Ов. Туманяном. Из печати известно, что в начале декабря 1916 г. Каменский начал работу в отделе пожертвований Кавказского комитета союза городов⁵⁶. Союз городов был той организацией, где по вопросам беженства, приюта сирот почти ежедневно бывал Туманян. Если в прошлом они и не были знакомы, их встреча в подобных условиях не могла не состояться.

...Поэт-энтузиаст, видимо, считая свою миссию законченной, решает покинуть Тифлис. По установленному порядку гостеприимного города 5 и 9 февраля 1917 г. планируются его последние две лекции в зале Музыкального училища. Сохранились основные тезисы лекций, из которых явствует, что в первой части вечера 5 февраля выступление Каменского должно было иметь следующее содержание: "Счастье и смысл жизни: вот как надо жить в Тифлисе. Что такое счастье. Миллионеры земных благ и миллионеры Духом. Природа. Красота. Путь к вечности. Счастье взрослых детей. Ответ красоты красотой. Слияние со звездами". Вторая часть — "Вот что такое футуризм. Искусство сегодня: поэзия — музыка — живопись — театр"⁵⁷.

Тезисы подсказывают, что стрелы лекции были направлены против мещанского быта и психологии. Подобная направленность являлась одной из существенных черт русского футуризма.

Более частные вопросы были затронуты в лекции, состоявшейся 9 февраля: "Душа женщины: женщина сегодня и женщина будущего. Женственность и современность, моды, костюмы, вкус, как надо одеваться, красота и вульгарная роскошь, девушка, невеста, жена, мать, суфражистка, женщина и футуризм, женщина будущего"⁵⁸. Можно предположить, что лектор был сторонником свободного, ясного и непосредственного поведения и отношений женщины в жизни, и эту идею он отстаивает в своей лекции. Во второй части вечера — "Поэзия футуристов" — он зачитывает образцы из произведений Д. Бурлюка, В. Маяковского, И. Северянина, В. Хлебникова, А. Крученых, а также отрывки из собственных произведений.

Можно утверждать, что к концу 1917 г. общественность Тифлиса, в том числе армянская интеллигенция, уже довольно широко была ознакомлена с творчеством русских футуристов и их поэтическими тенденциями.

После этих двух лекций Каменский уезжает из Тифлиса и затем, как свидетельствует он сам, с большим успехом вновь выступает с лек-

⁵⁶ "Кавказское слово", 6. XII. 1916.

⁵⁷ Там же, 2. II. 1917.

⁵⁸ Там же.

циями в Кутаиси, а также в Батуми, Потти, Сочи, Новороссийске, Сухуми, в середине марта он уже был в Москве.

Вспоминая незабываемые дни, проведенные в Тифлисе, в автобиографической книге "Путь энтузиаста" Каменский пишет: "В солнцедатном Тифлисе в смысле газетных встреч и густых выступлений жилось превосходно.

Здесь по-настоящему любили поэтов...

Недаром в Грузии много своих поэтов.

Как раз тогда блестяще шумела грузинская группа поэтов-новаторов под именем "Голубые роги", это: Робакидзе, Яшвили, Табидзе, Гаприндашвили, Гришашвили.

А у армян был свой футурист — Кара-Дарвиш.

И мы, поэты, жили в тесной дружбе"⁵⁹.

Интерес к личности и творчеству Каменского не угасал в Тифлисе даже после его отъезда. Огромно было его личное обаяние, имя его многократно произносилось во время литературных сборов и вечеров, читались его стихи, был организован даже специально посвященный ему вечер. 24 марта 1918 г. по инициативе тифлисского синдиката футуристов в их "Фантастическом кабачке" член синдиката, так называемый "глава восточных футуристов" Кара-Дарвиш прочел лекцию о мировоззрении и творчестве Каменского, используя материалы из книги поэта "Моя биография". Из сообщений печати становится известно, что как доклад, так и весь вечер прошел успешно. Отрывки из произведений Каменского читали С. Трущева, Т. Вечорка, И. Зданевич, а актриса С. Мельникова прочла посвященную ему балладу Кара-Дарвиша. В обмене мнениями приняли участие Г. Робакидзе, И. Зданевич, И. Накашидзе, А. Крученных и др.⁶⁰

* * *

Видимо, трудно было забыть "замечательную жизнь" многокрасочного восточного города, и Каменский в начале мая 1919 г. вновь оказывается в Тифлисе. Впоследствии по этому поводу он пишет: "В 1919 году, выступая в качестве культработника в южной Красной Армии, попал к белым и был как "страшный большевик" засажен в белогвардейскую тюрьму в Ялте. После прихода в Крым красных уехал на Кавказ"⁶¹.

Именно в эти дни, 7 мая в "Кавказском слове" публикуется интервью Як. Львова с поэтом. Долгое время Закавказье было оторвано от Советской России, и Каменский сообщал подробные сведения о культурной жизни Москвы и Петрограда, детально рассказывая о литературе, живописи, музыке, опере и драматических театрах, иногда даже об отдельных группировках и течениях, о важных культурных очагах. В этом интервью красной нитью проходит идея о том, что "ис-

⁵⁹ В. Каменский. Путь энтузиаста, с. 196.

⁶⁰ «Уշակ», 29. III. 1918, "Республика", 22. III. 1918; «Հորիզոն», 24. III. 1918:

⁶¹ В. Каменский. Путь энтузиаста, с. 224.

куство в современной России не только стоит прочно, но и переживает небывалый расцвет". Каменский заявляет также, что как в поэзии, так и в других видах искусства в современной России "господствуют футуристы", хотя против них сообща ополчаются "символисты и реалисты".

При содействии передовой русской, грузинской, армянской интеллигенции прекрасный знаток тифлисцев В. Каменский с энергией и воодушевлением продолжает свою деятельность, выступая, в основном, с лекциями. Так, 14 мая в театре Артистического общества организуется его лекция с музыкальным сопровождением на тему "Встречальности, звучальности, венчальности (весенний праздник футуристов) и новые стихи". Зал был переполнен представителями самых различных слоев многонациональной общественности. "Среди публики, наполнявшей нарядный зрительный зал театра "Арт. о-ва", многие пришли посмотреть на "футуриста" и посмеяться, некоторые ожидали чего-то необыкновенного, надеялись, что Каменский выйдет верхом на лошади в костюме Стеньки Разина, как это он проделывал в тифлисском цирке, или по крайней мере выругает публику.

И только немногие пришли для творчества поэта", — пишет "Кавказское слово" 16 мая.

В. Каменский вышел на сцену в "пестрой из восточной ткани рубашке с открытым воротником", с книгой в руках. На темном фоне занавеса были показаны плакаты с обложек двенадцати поэм Каменского, исполненные находившимся в те годы в Тифлисе известным русским художником С. Судейкиным. В течение всего декламирования звучали импровизации пианиста А. Черепнина. И плакаты, и музыкальное сопровождение гармонировали с идейным содержанием и ритмическим строем поэм Каменского, придавая особое звучание декламации. Тепло были приняты отрывки из главы "Ай, моя Персия" из поэмы "Стенька Разин" и лирические песни поэта. "Публика расходилась в большой ажитации, — пишет "Кавказское слово". — Дамы невольно повторяли навязчивое "Цамайра", солидные люди ворчали, что даром потратили вечер ... Местные поэты ехидничали ... И только молодежь искренне волновалась, спорила и горячо переживала все слышанное"⁶².

Вокруг футуризма как и прежде группировалась молодежь, но в выступлениях футуриста Каменского уже затрагивались новые идеи, мотивы протеста звучали с большей силой и уверенностью.

Об этом впечатляющем вечере в печати Тифлиса были опубликованы многочисленные сообщения. В одном из них о нем говорится как о явлении пролетарской литературы. После революции русский футуризм обрел новое содержание и со всей определенностью встал на защиту Советской власти. Приехавший из Москвы в Тифлис Каменский был "первой ласточкой" этого движения в Закавказье, которого вдохновила и воодушевила революционно настроенная армянская общест-

⁶² "Кавказское слово", 16. V. 1919.

венность города. "В поэтических формах и поэмах Каменского, полных звучными голосами, слышатся пролетарские идеи, призыв ко всем поэтам слиться в могучую армию, — читаем в газете "Ашхатавор". — В поэмах человека-певца ощутимо давали себя чувствовать идеи того направления искусства, которое только-только начинало развиваться в центре Советской власти.

Это новое направление предоставляло совершенную свободу художнику в использовании пластики, разнообразной гаммы сочетаний звуков, красок, развиваясь в толпах пролетарских масс, рожденных в русле новых мыслей и идей.

Во всех поэмах чувствуется большой и поэтический размах русского духа, океаническая и индивидуальная способность выбора гармоничных, музыкальных слов, несущих громаду эмоций"⁶³.

С подчеркнутой ориентацией на Советскую Россию в лице Каменского вновь провозглашался "большой и поэтический размах русского духа", вновь раскрывалось идейное родство поэта с большевизмом.

Можно предположить, что Каменскому были известны подобные отклики, и, достойно внимания то, что окрыленный этой защитой и поддержкой, он выступает с публичным изложением своих убеждений. С таким "признанием" он начал свое выступление на авторском вечере, организованном 28 сентября в зале консерватории, где открыто заявлял, что "...ставит себе в заслугу, что он предугадал пророчески русское движение, дал постижение русской революционной души, предсказав большевизм"⁶⁴.

Слово, несомненно, касается "Стеньки Разина", бунтарского восстания его героя против тирании и деспотизма, внутренние пити которого в романе, опубликованном в 1915 г., поэт доводит до ближайших времен и революционных событий. Как в романе, так и в поэме Разин выступает как носитель свободолюбивых идей русского народа, стихийных, страстных.

По данным печати, этот вечер поэта также прошел успешно, вновь пробудив бурный интерес к его личности и творчеству. "Снова "авторское" чтение, снова налицо весь литературный и театральный Тифлис, весь тифлисский Парнас.

Чтение Вас. Каменского, несомненно, имело успех. Автор-чтец получил и лавры, и цветы, и шумные аплодисменты. Читает он хорошо, совсем по-актерски... Красочное чтение с большим подъемом, с довольно яркой характеристикой и персонажей, и толпы, само по себе, несомненно, доставляло удовольствие.

Каменский в "Стеньке" крепко талантлив русским, здоровым, ярким, краснощеким волжским талантом"⁶⁵.

⁶³ «Աշխատավոր», 21. V. 1919:

⁶⁴ "Слово", 1.X.1919.

⁶⁵ Там же.

Идя навстречу просьбам литературной общественности, это чтение-лекцию Каменский повторяет несколько раз.

Подтверждением революционного духа, которым были проникнуты выступления В. Каменского, и его веры в дело Ленина является его произведение "Ленин-мужицкий Христос", перепечатанное в эти дни бакинской газетой "Наше время"⁶⁶ из газеты "Красный офицер" (1919, № 1).

Именно в эти дни со статьей, посвященной "Стеньке Разину", выступает поэт Сергей Городецкий, который в те годы жил и творил в Закавказье⁶⁷. Считая "русского смельчака Разина" символом русского народа, автор высоко оценивает искусство поэта, романтическую, заразительную силу созданного им образа, которая характеризуется как черта, присущая русской стихии. В то же время заметно, что С. Городецкий всячески стремится оградить Каменского от футуризма⁶⁸. Бесспорно и то, что литературные разногласия не мешали их дружбе, С. Городецкий очень тепло относился к Каменскому, часто печатая в "Кавказском слове" обстоятельные сообщения о его выступлениях. Очевидно также, что приезд Каменского, его выступления оказали влияние на Городецкого, который начинает проявлять более широкий интерес не только к культурной жизни Советской России, но и к политическим событиям.

В атмосфере пробудившегося интереса к Каменскому 23 ноября 1919 г. в переполненном зале Тифлисской консерватории отмечается десятилетие его литературной деятельности. Со вступительным словом "Поэт Каменский в жизни" вечер открывает известный театральный деятель Н. Евреинов, живший в эти годы в Тифлисе. Затем в музыкальном сопровождении А. Черепнина Каменский выступает с автобиографическим словом "Лейся, моя кумачевая молодость", после чего читает стихи. Отрывки из его произведений читают В. Судейкина, С. Трущева, доставив "подлинное художественное наслаждение" публике. В конце Каменский, говорит, что вечер был "не юбилей, а ядреный лапоть"⁶⁹.

В этот же юбилейный день в "Слове" публикуется статья Як. Львова "О Василии Каменском (к 10-летию литературной деятельности)". Представляя и оценивая творчество и деятельность поэта-футуриста, автор публикации подчеркивает его самообытность, добавляя, что он "...фигура во всяком случае колоритная среди нашего времени..."⁷⁰

Не касаясь всех последующих выступлений русского поэта, хочется выделить два из них. 17 декабря 1919 года в цирке "Кристенс" с участием лучших артистов дается представление-спектакль из трех

⁶⁶ "Наше время", 2. VIII. 1919.

⁶⁷ Об этом подробно см.: А н. З а к а р я н. Трагедия армянского народа в оценке русских литераторов. Ереван, 2003, с. 129–188.

⁶⁸ "Кавказское слово", 7. VI. 1919.

⁶⁹ "Слово", 25. XI. 1919.

⁷⁰ Там же, 23. XI. 1919.

частей. "Вождь современного искусства" Каменский читает лекцию на тему "Цирк" и отрывки из "Стеньки Разина"⁷¹.

Он несколько раз выступал с лекцией "Искусство улицы", отстаивая необходимость создания нового искусства, доступного для широких демократических слоев, популяризируемого на улицах и площадях.

За время пребывания в Тифлисе в местной печати Каменский публикует стихотворения, ряд статей, отдельной книгой в 1920 г. издает поэму "Цувама". Видимо, он содействовал и изданию газет. Так, из сообщения армянской газеты "Шираки ашхатавор" узнаем, что он должен был принять участие в издании под редакцией Цезаря Нала воскресной сатирической газеты "Набат" (на армянском и русском языках). Интересно, что в числе сотрудников газеты, наряду с именами Каменского и Кара-Дарвиша, в шутку или всерьез, упоминается и известный армянский писатель Нар-Дос (1867–1933)⁷².

В январе 1920 г. Каменский едет в Баку. В эти дни в театре "Пел-Мел" представлялась пьеса "Стенька Разин", состоявшая из семи действий. В газетном объявлении говорилось, что 16 и 18 января пьеса будет представлена седьмой раз и что роль Степана Разина будет исполнять автор – В. Каменский⁷³.

В этот период в Баку контрреволюция сдавала свои позиции, что естественно, заострило интерес нефтяников к проникнутому свободобивым пафосом спектаклю "Стенька Разин".

Неугасавший на протяжении многих лет интерес широких слоев общественности Тифлиса, Баку и других городов Закавказья к Каменскому, к его творчеству и особенно к его произведению "Стенька Разин" дает нам право считать его одним из первых русских деятелей литературы, оставивших заметный след в закавказской литературной среде.

* * *

При обращении к литературному быту символистов и футуристов бросается в глаза одно интересное явление. В противоположность футуристам, которые имели обыкновение разъезжать по стране, символисты, как правило, выезжали за пределы страны и в основном в европейские страны. Это было обусловлено видимо не только их происхождением и возможностями, но и общим мировосприятием. Поэзия символистов и соответственно их эстетические воззрения находились во власти отвлеченных человеческих чувств и устремлений, которые не вызывали необходимости общения непосредственно с народом.

Примером может служить *Константин Бальмонт* (1867–1942), который исколесил почти весь мир. По меткому определению И. Эренбурга, мировая поэзия не знала другого поэта, так много времени проводившего на пароходах или в поездах. Но вот уже в канун Первой мировой

⁷¹ Там же, 18. XII. 1919.

⁷² «Շիրակի աշխատակոր», 14. V. 1919:

⁷³ "Наше время", 16. I. 1920.

войны, видимо, заразившись от футуристов, символисты предпринимают поездки по стране. И первым среди них был Бальмонт, после чтения лекций во многих городах России 10 апреля 1914 г. приехавший в Тифлис⁷⁴.

В сердечной, теплой обстановке 13 и 14 апреля в концертном зале Артистического общества он выступил с докладом "Поэзия как волшебство" и "Океания".

Таинственная магия размера символистского стиха уже теряла свою силу и в глазах читающей общественности Тифлиса, и характерно, что на первую же лекцию "Мшак" откликается критически: "... внешне лекция имела характерную модернистскую форму — туманную и неопределенную, а внутреннее ее содержание было проникнуто стремлением придать философскую глубину"⁷⁵. "Для нас, — пишет газета, — положительным в его выступлении было то, что мы лишним раз получили ясное подтверждение того, насколько символизм и декаданс, в лице своего известного представителя, удалились от реальной жизни, насколько бедна их душа для восприятия лабиринта современной действительности".

Говоря "лабиринт современной действительности", "Мшак" имел в виду глубокие социально-экономические, классовые, политико-правовые противоречия буржуазного общества, колониальную конкуренцию капиталистических держав, в горниле соперничества которых стонали трудящиеся массы, обкрадывалась человеческая личность. Накануне войны люди нуждались в слове, затрагивающем их жизненные интересы и потребности, тогда как поэт-докладчик витал в абстрактных заоблачных высях.

Взыскательное слово такого авторитетного органа, как "Мшак", было свидетельством того, что в середине десятых годов позиции символизма в армянской действительности были основательно поколеблены.

Второе выступление К. Бальмонта касалось его путешествия в Австралию. Из скупых сведений печати явствует, что, рассказывая о своих впечатлениях, он прочел и стихи из цикла "Самоа", которые видимо, нашли признание общественности. Четыре из них — "Самоа", "Самоанской женщине", "Самоанец", "Пальма" в армянском переводе были опубликованы в "Оризоне"⁷⁶.

Известно, что К. Бальмонт, находясь в Океании, переводил пролог поэмы Ш. Руставели "Витязь в тигровой шкуре"⁷⁷, и уже в Тифлисе "Общество по распространению грузинской литературы" подарило ему в богато оформленной обложке художественное издание поэмы на грузинском языке⁷⁸. На обед, устроенный в честь Бальмонта, приглашается

⁷⁴ «Աշակ», 13. IV. 1914:

⁷⁵ Там же, 15. IV. 1914.

⁷⁶ «Հորիզոն», 11. V. 1914, 18. V. 1914:

⁷⁷ Т. Г а б и д з е. Статьи, очерки, переписка. Тбилиси, 1964, с. 127.

⁷⁸ «Աշակ», 15. IV. 1914:

и Ов. Туманян. Туманян и Бальмонт долго беседуют друг с другом. Задолго до этого, в 90-е годы, как пишет литературовед И. Сафразбекян в статье "Бальмонт и Туманян"⁷⁹, русский поэт перевел "Ахтамар" и "Концерт". В этой статье автор пишет, что Бальмонт посетил Тифлис летом 1914 г., но, как уже было сказано, он приехал в Тифлис 10 апреля. Указывается также, что К. Бальмонт второй раз приезжает в Тифлис в 1917 г., но его второй приезд относится к 1915 г., а в 1917 г. поэт посещает город уже в третий раз.

Вечером 15 апреля 1914 г. К. Бальмонт уезжает в Баку⁸⁰, где, по скудным сведениям печати, 16 апреля повторяет доклад, прочитанный в Тифлисе⁸¹, и этим завершает свое пребывание в Закавказье.

Вторично Бальмонт приезжает в Тифлис 30 сентября 1915 г.⁸² И в этот раз он преимущественно общается с грузинской литературной общественностью, с армянской интеллигенцией встречается реже.

3 октября в переполненном зале Артистического общества К. Бальмонт после вступительного слова читает пролог "Витязя" и отдельные отрывки в своем переводе. Прием был исключительно теплый, грузинская общественность подарила Бальмонту большой портрет Руставели с надписью "Константину Бальмонту от грузин"⁸³. Большое впечатление на присутствующих произвела удивительная красота размера стиха, музыкальность, близость к подлиннику. Известно, что Бальмонт владел почти тридцатью языками, ему удалось проникнуться и духом грузинского языка и передать колористическое богатство, рыцарское звучание гениальной поэмы.

"Общество любителей грузинской культуры" 9 октября в концертном зале Артистического общества организует литературно-музыкальный вечер в честь русского поэта. В этот промежуток времени, 8 октября, поэт успевает прочесть лекцию в Кутаиси⁸⁴.

В третий раз Бальмонт приехал в Тифлис 12 июня 1917 г.⁸⁵, где он должен был прочесть три лекции. На следующий же день после приезда поэта — 13 июня, газета "Возрождение" опубликовала программу лекций: 1-я лекция "Мысли мировых гениев о любви (Шота Руставели. Испанское слово о любви. Магнит сердец. Святая Тереза... Данте. Петрарка. Микеланджело. Тристан и Изольда. Верховенство Руставели)". 2-я лекция "будет посвящена поэме Шота Руставели в переводе и чтении... К. Д. Бальмонта". 3-я лекция "Слово о творчестве. Природа, как вечная мастерская ликов. Поэма огня. Песни свободной России".

16 июня в зимнем помещении Нового клуба состоялся первый доклад. Из сообщений газет узнаем, что Бальмонт в основном говорил о

⁷⁹ «*Գրական թերթ*», 6. VIII. 1965:

⁸⁰ «*Մշակ*», 17. IV. 1914:

⁸¹ Там же, 18. IV. 1914.

⁸² «Кавказское слово», 1. X. 1915.

⁸³ Там же, 6. X. 1915.

⁸⁴ «*Հորիզոն*», 8. X. 1915:

⁸⁵ «Возрождение», 13. VI. 1917.

Руставели, ставя его восприятие любви и его философию выше многих современных ему европейских поэтов. "Это (поэма "Витязь в тигровой шкуре". — *Ан. З.*) — лучшая поэма любви, какая когда-либо была создана в Европе, смеющаяся, тоскующая, пламенеющая, переливающаяся яхонтами радуга любви, красочный и волшебный мост, связующий небо и землю"⁸⁶.

Второй доклад в том же клубе должен был состояться 18 июня⁸⁷, а о третьем не удалось найти газетных сведений. Но, как видно из вышеприведенной программы, Бальмонт своим докладом "Песни свободной России" должен был отдать дань Февральской революции.

На лекциях Бальмонта наряду с представителями грузинской, русской общественности присутствовали представители и армянской интеллигенции, деятели литературы и искусства, студенчество, учителя. К этому времени уже вышла в свет "Поэзия Армении" Брюсова, Бальмонт был одним из ее переводчиков. Возможно, именно в этот период созрела идея перевода "Витязя в тигровой шкуре" на армянский язык, который вскоре был предпринят В. Терьяном, сделавшим высокохудожественный перевод отрывков пролога. Но, к сожалению, Терьян не смог продолжить и завершить работу.

Грузинская и армянская общественность тепло и горячо принимает К. Бальмонта. В честь поэта устраиваются вечера, торжественные ужины. Об одном из этих вечеров сохранились интересные воспоминания известного грузинского поэта Т. Табидзе: "В саду Грузинского клуба на ужине, который был задан Сандро Канчели в честь Бальмонта, я впервые увидел Ованеса Туманяна.

Он держался совершенно независимо и не отставал от Бальмонта в экспромтах, даже на русском языке"⁸⁸. Сказанное подтверждает, что на вечерах, организованных грузинской общественностью, присутствовали также армянские писатели, что свидетельствует о большой дружбе закавказских литераторов.

В Закавказье, а затем на Минеральных водах К. Бальмонт проводит все лето 1917 г., где встречается с представителями общественности Закавказья. Так, 3 августа в Пятигорске он был приглашен на вечер, устроенный в честь Ов. Туманяна⁸⁹. Об этом вечере, который состоялся в клубе города, в газете "Кавказский край" было помещено сообщение под заглавием "Армянский вечер". Вечер хоровыми песнями открыл вокальный квартет под руководством А. Манукяна, затем последовали выступления. "Особенной торжественностью отличалось выступление популярного поэта К. Бальмонта, — читаем в газете. — Поэт прочел стихотворение (легенду. — *Ан. З.*) присутствующего на вечере известного

⁸⁶ Там же, 18.VI.1917.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Т. Табидзе. Указ. раб., с. 140.

⁸⁹ "Кавказское слово", 18. VIII. 1917; "Армянский вестник", 1917, № 35-36, с. 21; № 37-38, с. 13.

армянского поэта Ов. Туманяна под заглавием "Ахтамар" и предложил приветствовать талантливого автора этого дивного творения.

При этих словах К. Бальмонта вся публика поднялась и устроила Ов. Туманяну шумную овацию ... Публика настойчиво требовала, чтобы Ов. Туманян появился на эстраде. Появляется Ов. Туманян и произносит краткую речь, приветствуя титана русской поэзии К. Бальмонта.

Бальмонт в свою очередь читает известное стихотворение, посвященное Ов. Туманяну⁹⁰.

На ужине, состоявшемся после вечера, был устроен благотворительный аукцион, на котором разыграли следующее четверостишие русского поэта:

Прибыв сюда в десятый раз,
При виде здешних черных глаз
Я так опять влюблен в Кавказ, —
Хоть целоваться б мне сейчас!⁹¹

...Примечательно, что русский поэт будучи в эмиграции во Франции, поддерживал дружеские контакты с армянской интеллигенцией. Известно, что по приглашению видного армянского писателя, литературного критика и общественного деятеля Аршака Чопаняна (1872-1954) он участвовал на вечере, посвященном Туманяну, и своим выступлением воздал дань уважения памяти поэта.

Бальмонт и его жена были близки с известной армянской пианисткой, певицей, музыковедом, педагогом Маргаритой Бабаян (1874 — 1968). Их пленил неповторимый голос певицы, ее интерпретация произведений армянских, русских и европейских композиторов, а также народных песен. Об этом имеются интересные документы⁹².

* * *

Вслед за Бальмонтом в Закавказье стали часто приезжать и другие известные представители русской литературы.

После известного посещения В. Брюсова в январе 1916 г., из символистов 19 апреля 1916 г. в Тифлис приезжает Федор Сологуб (1863-1927)⁹³. До этого, как уже говорилось, в начале апреля 1913 г. Ф. Сологуб вместе с И. Северяниным приезжал в Закавказье — Баку и Тифлис, где 3 и 5 апреля выступил с лекцией "Искусство наших дней". Кстати, излагая основные положения лекции Ф. Сологуба, армянский литературный критик Ц. Ханзадян отмечал, что наряду с декадентской, за-

⁹⁰ "Кавказский край", 5. VIII. 1917.

⁹¹ Там же.

⁹² Подробно см.: А н. З а к а р я н, К. Бальмонт и М. Бабаян. — "Вестник общественных наук" АН Армении, 1991, № 1, с. 161 — 168. Зав. музыкальным отделом МЛИ Ц. Бекарян опубликовала в "Голосе Армении" (16. IX. 2000) эти документы как впервые ею обнаруженные.

⁹³ «Աշխ», 20. IV. 1916:

частую антихудожественной прозой, существует также его прекрасная поэзия — "у него есть такие чудесные произведения, которые делают поэта одним из виднейших представителей современной русской поэзии". Далее он восхищается внутренней логикой поэта, его теоретическими обобщениями, одновременно отрицает "искажающее действительность, обличающее женщин, создающее аморальные образы" творчество Сологуба-прозаика⁹⁴.

20 апреля 1916 г. в зале Артистического общества Ф. Сологуб выступает с развернутым докладом "Россия в мечтах и ожиданиях"⁹⁵. До прибытия в Тифлис 24 января Ф. Сологуб с тем же докладом выступил перед армянской общественностью Новой Нахичевани, а в Таганроге местные власти запретили его выступление. Тезисы доклада заочно были напечатаны в выходящем в Тифлисе на русском языке органе армянских публицистов — газете "Кавказское слово". Вот они: "Понятия государства, отечества и родины, их выражение в русской литературе и поэзии. Правда государственного чувства. Слабость государственной идеи в России, и в то же время ее большое государственное строительство. Любовь к отечеству. Ее поэтические выражения. Патриотизм и чужелюбие. Осуждение своего, как следствие пламенной любви к родине. Большая роль сатиры в русской литературе и поэзии. Просветленное чувство родины в произведениях русской поэзии. Преобладание в русской литературе и психологии идеи родины над идеею отечества. Отличие русского патриотизма от патриотизма иностранного. ...Неустанное прославление русскою литературою жертвенного подвига. ...Ощущение высокого призвания Руси, ожидание нового слова. Долг России перед человечеством. Ее срединное положение, борьба в ней Запада с Востоком, и поэтические предсказания последнего синтеза ...Чему мы должны учиться у Запада. Уроки войны. Предвещательные идеи новой русской литературы и поэзии, оправдываемые историею"⁹⁶.

Как видно из тезисов, Сологуб, автор проникновенных патриотических песен, в своем докладе в основном касается патриотических идей и мотивов русской литературы. Приведенные тезисы восполняют газетное сообщение, согласно которому "в заключение лектор примерами из произведений современных русских писателей продемонстрировал мысли русской литературы, за последние 10 лет насыщенной предвидением разыгрывающейся теперь мировой катастрофы"⁹⁷. Можно предположить, что в слове Сологуба ощущалось затаенное ожидание грядущей революции, поскольку, как известно, он с воодушевлением принял революцию 1905 г. и свержение царизма в 1917 г.

⁹⁴ «Բազմի ձայն», 5. IV. 1913:

⁹⁵ "Кавказское слово", 16. IV. 1916; «Աշակ», 20. IV. 1916, «Հորիզոն», 17. IV. 1916, «Գաղափար», 17. IV. 1916:

⁹⁶ "Кавказское слово", 16. IV. 1916.

⁹⁷ Там же, 23. IV. 1916.

Публикация тезисов доклада Ф. Сологуба в "Кавказском слове", издаваемом армянской интеллигенцией, дает основание утверждать, что в дни пребывания в Тифлисе русский поэт, естественно, общался с ее представителями.

* * *

Из сказанного явствует, что выступления футуристов и символистов способствовали оживлению литературных контактов между деятелями литературы и искусства. В частности, исследование деятельности футуристов важно и в другом аспекте: в 1915–1919 годах иногда подолгу бывал в Тифлисе молодой Чаренц. Из его дневниковых записей выясняется, что весной 1917 г. из армянских писателей он был знаком только с Кара-Дарвишем. Не может быть сомнений в том, что в Тифлисе Чаренцу довелось ознакомиться с деятельностью футуристов, в частности, И. Северянина и В. Каменского.

Отголоски влияния русских футуристов в начале 20-х годов отразились в известной "Декларации Трех" армянских поэтов Егише Чаренца, Геворга Абова, Азата Вштуни, выступления которых в свою очередь заразили всю армянскую литературную жизнь, послужив поводом для длительных литературных споров и борьбы. Характерно, что в 20-е годы эти выступления уже известного поэта Е. Чаренца и других в Ереване принимались в штыки и, наоборот, находили поддержку в Тифлисе со стороны армянских литературоведов, которые уже освоились с подобными настроениями.

**ԳՐԱԿԱՆ ՆՈՐ ՀՈՍԱՆՔՆԵՐՆ ԱՆԴՐԿՈՎԿԱՍՈՒՄ
(XX դարի 10-ական թվականների մամուլի տվյալներով)**

ԱՆՈՒՇԱՎԱՆ ԶԱՔԱՐՅԱՆ

Ա մ փ ո փ ու մ

Անցյալ դարասկզբին Ռուսաստանի Հասարակական կյանքի բոլոր ոլորտներում տեղի են ունենում պատմական տեղաշարժեր: Հեղափոխական նոր վերելքի հետ մեկտեղ ինչպես Ռուսաստանում, այնպես էլ Անդրկովկասում, աստիճանաբար Հասունանալով իրենց զգացնել են տալիս Հասարակայնության դեմոկրատական պահանջները. ժողովրդական տների, բանվորական ակումբների գործունեությանը կազմավորվում է նոր լսարան: Դրան առնչվող երևույթներից է նաև այն, որ դրական նոր Հոսանքների առաջամարտիկներ ռուս ֆուտուրիստներն ու սիմվոլիստները սկսում են հաճախակի այցելել Անդրկովկաս: Հոգվածում Հանգամանորեն ներկայացված է երկրամասում նրանց ծավալած գրական-Հասարակական բուռն գործունեությունը: Այս իրողությունը գրապատմական որոշակի հետաքրքրություն է ներկայացնում XX դ. 10–20-ական թվականների Հայ գրական կյանքի ուսումնասիրության տեսանկյունից:

NEW LITERARY TRENDS IN TRANSCAUCASIA
(According to the press data of the 10s of the 20th century)

ANUSHAVAN ZAKARYAN

S u m m a r y

At the beginning of the 20th century historical changes take place in all spheres of public life. Together with the new revolutionary enthusiasm, both in Russia and Transcaucasia, gradually ripening, appear democratic demands of the society: new auditorium is formed connected with the activity of the people's houses, workers' clubs. It must be also mentioned that some progressive-minded people of new trends of literature, such as Russian futurists and symbolists begin to visit Transcaucasia more frequently. Their literary-social rapid activity in the territory is thoroughly presented in the article. This fact shows certain literary-historical interest in the point of view of research of Armenian literary life of the 10s- the 20s of the 20th century.